

Татьяна
Вторник

Прощание с Рогатым Богом

18+

Татьяна Вторник

Прощание с Рогатым Богом

«Автор»

2026

Вторник Т.

Прощание с Рогатым Богом / Т. Вторник — «Автор», 2026

Автор: Татьяна ВторникКорректор: Алексей Конторович3

КНИГАМистический роман в 3-х томах.Настало время познакомиться с Болотными ведьмами, Богинями Смерти и наконец узнать, чем закончится трогательная история любви Бога и ведьмы.Хорошего вам отдыха и новых впечатлений.

© Вторник Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

3 КНИГА. 1 часть. Болотные ведьмы. Пролог	5
1. Знакомство с соседями	10
2. Кто-то из нас должен умереть.	13
3. Богиня Смерти	18
4. Болотная ведьма	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татьяна Вторник

Прощание с Рогатым Богом

3 КНИГА. 1 часть. Болотные ведьмы. Пролог

Англия. Деревня Корнер. Март 1698г.

Адам сидел за письменным столом на втором этаже своего дома. Хоть он уже и не был его, и вообще, это был гостевой дом, рассчитанный на десяток постоянных гостей на втором этаже, и небольшая харчевня, с малюсенькими комнатами на первом. Хозяйка «Приюта путника», пышногрудая женщина, лет сорока пяти, никогда не задавала лишних вопросов и всегда была готова прийти на помощь. Хотя её об этом никто и не просил. Навязчивость была её единственной отвратительной чертой, по мнению Адама. Вот и сегодня, она его уже в третий раз отвлекает от раздумий.

— Господин точно не желает отобедать в зале? Сегодня мало постояльцев.

— Спасибо, Одри, — не оборачиваясь к ней, Адам щекотал кончиком пера нос. — Я уже уйду на прогулку. Ужин принесёшь в комнату.

— Хорошо, — оживилась хозяйка, закладывая кудрявые выпцветшие пряди за уши, — Так может я тогда всё же приберусь у вас?

— Всё хорошо, Одри. Меня всё устраивает.

— Уже две недели прошло с последней уборки. Может всё же... — она запнулась, с грустью оглядывая запыленные полки с книгами.

— Хорошо, — сдался Адам, убирая перо и закрывая чернильницу. — Можете прибраться, пока я буду на прогулке.

— Вот и замечательно! Вот и хорошо! — радостно оживилась она. — Я попрошу дочь подняться к вам. Вы же ещё не видели мою Лизочку? Она вчера вернулась из Брайтхелмстоуна. Такая красавица выросла. Вы удивитесь, увидев её.

Адам тяжело выдохнул.

— Болтливость.

— Что? — не расслышала она.

— Ваше второе замечательное качество — это услужливость, — оборачиваясь с натянутой улыбкой, мужчина застыл в ожидании, когда она закроет дверь с обратной стороны.

— Ага, — не поняв, что имел ввиду постоялиц, она начала прикрывать дверь, но вдруг, резко распахнув, всё же поинтересовалась.

— А первое?

— Что? — на этот раз Адам переспросил, набрасывая на плечи мундир.

— А какое моё первое замечательное качество?

— Ваша доброта, — он попытался улыбнуться, но вышло у него это довольно скверно. Однако женщину это не расстроило, и она всё сказанное приняла за чистую монету. Расплывшись в счастливой улыбке, она несколько раз неуклюже кивнула ему головой, словно соглашаясь с его словами и благодаря одновременно.

Когда дверь всё же закрылась, он вернулся к записям, разложенным на столе. На листке были по пунктам выписаны словосочетания, мало кому понятные. Да к тому же, ещё и на русском языке. В том, что местные его не знали и не понимали, он был уверен.

«Хождение по снам» — вычеркнуто.

«Распознать ложь» — несколько вопросительных знаков.

«Мир потерянных душ» — вычеркнуто несколько раз.

«Мираж» — вычеркнуто.

«Проклятия» — вычеркнуто.

«Видеть прошлое» — вычеркнуто.

Дальше список был весь перечёркнут и замазан.

Он вернулся в кресло и прикрыл глаза.

— Что же не так? Что я сделал не так? — выдохнул он, комкая лист бумаги.

Он никак не мог найти причину потери своих сил, но она точно была связана с визитом Оливии в их мир. Он утаил от других Рогатых о том, что он растерял свои навыки безвозвратно. Как он не старался, у него не выходило управлять миражом, насылая проклятия и многое другое. Но самое ужасное ещё было в том, что теперь ему была закрыта дорога в мир потерянных душ. Он больше не мог приблизиться к воротам, ведущим в царство мёртвых. Теперь он был абсолютно бесполезен в помощи своим братьям. Которые, не переставая рыскали по книгам и ковенам болотных и горных ведьм. Единственные ведьмы, которые не желали им смерти и вообще жили по своим правилам и законом. Но беда заключалась в том, что хоть им и было уже больше тысяч лет они были ведьмами. Без Верховной. Ведьмами, которые не призывали Цернунна, зная, что с ним произошло и не желая навлекать на себя его гнев. Ведьмами, которые молились своим Богиням Смерти, и только после знакомства с Адамом и его братьями, сделали их почётными хозяевами на дне Солнцестояния, но ни в коем случае не на Вальпургиеву ночь. Свои секреты они охраняли надёжно и бережно. Они почитали их как Богов, но доверия особого не выказывали.

— Надо Лорену рассказать, — всё же сделал вывод Адам.

Как бы ему не хотелось это делать, но это было необходимо. Иначе братья будут ждать от него большего и продолжать страдать от гнева и воплей отца в их мире, как и он сам. Когда он был ребёнком — это был навязчивый шёпот, молящий о смерти, но, когда он прошёл первый раз через деревянного истукана болотных ведьм, шёпот со временем прекратился, но в их мире всё было иначе.

Они с братьями кропотливо пытались изменить свой мир, возвращая в нём леса и прокладывая через скалистые отрожки гор, торчащие из пепла, реки, но тлен отца одним дуновением ветра всё иссушивал и уничтожал, а его гнев мог обрушиться на любого из них. Особенно, если он слышал призыв очередной жертвы, и кто-то стоял у него на пути.

Адам посмотрел на холодный камин и в нём моментально занялся огонь.

— Вот уж этого, хоть отбавляй, — усмехнулся он.

Это было удивительно, но с потерей одних способностей, у него усилились в разы другие. И не просто усилились. Их мощь и разрушительная сила пугала даже его. Он мог обрушить цунами или заморозить целую деревню одним поворотом головы. Сжечь дотла или засыпать песками всё до горизонта. Но даже это было не всё. Помимо управления стихиями, в нём начали просыпаться звериные инстинкты. Начали обостряться органы чувств. Постепенно, но каждый раз что-то менялось и становилось лучше, зорче, громче. Вот и сейчас его слух слышал шорох, который не услышал бы ни один человек. За дверями его комнаты кто-то стоял.

— Досужая баба, — раздражённо выдохнул он, тихо подкрадываясь к двери и прикладывая ухо. Аромат смолы и свежей древесины, исходивший от отшлифованной поверхности двери, не пропускал запах с коридора, но слух не подвёл. Кто-то мерно дышал за дверью, легко елозя щекой по чуть шершавой поверхности. Адам усмехнулся и аккуратно взялся за дверную ручку, в желании заставь врасплах незваного наглеца, но лёгкие шаги быстро скользнули по коридору. Он распахнул дверь, но дверь на другой стороне чуть дальше по коридору шумно захлопнулась, а на лестнице показалась дочка хозяйки.

— Мг желает обедать? — удивлённо уставилась на него крупная, как и её мать, девушка с золотыми кудрями под белоснежным чепцом и с огромным подносом в руках.

Адам отрицательно мотнул головой. Девица ему лучезарно улыбнулась и, ловко оперев поднос в бок, придерживая одной рукой, поправила свои пышные груди.

— Я скоро приду убраться у вас в комнате, — ласково проговорила она, постукивая в соседнюю дверь.

Адам кивнул, и пока пожилой сэр Лэйдон не вышел из комнаты, мужчина быстро захлопнул свою. Нежелание здороваться и заводить вежливый разговор с соседом был не плохим расположением к нему, а желанием побыть в одиночестве.

Когда всё стихло он вышел в коридор и неспешным, широким шагом направился к лестнице. Подойдя к двери любопытной соседки, он остановился, хмуро буравя взглядом светлую дверь. Замахнулся кулаком, чтобы постучать, но замер.

«Глупость какая. Что я ей скажу? Я видел ваш удирающий зад? Мы, даже не представлены друг другу»

Убрав руку, он прошёл к лестнице и ускорился на первом этаже, проходя мимо столовой, напрямик на улицу. Вдохнув полной грудью, он прищурился, улыбаясь солнцу.

— Замечательный день.

Двинувшись привычным маршрутом в горку по извилистой каменистой дороге, он любовался раскинувшемуся океану. Люди и обозы здесь появлялись редко, а вот местная шпана, как и он в детстве, частенько шныряла то тут, то там. Дойдя до поваленного дерева с взлохмаченными корнями, он замер, стоя напротив него. Нет. Это не было деревом из его детства. Оно давно сгнило, а ветер засыпал землёй яму, но Адам взрастил его и повалил, делая новое «наше место». К тому же, оно стало удобным порталом в его мир. Одна из болотных ведьм охотно исполнила его просьбу и сделала его местом ведьм, давая возможность Адаму в любой момент переместиться. Вальпургиеву ночь или день Солнцестояния тут, конечно же, не проведёшь, но спрятаться в темноте и прохладе корневища, или незаметно улизнуть, всегда можно.

— Лорен, Лорен... — Адам всё ломал голову, как лучше всё рассказать другу, а самое главное — когда. Но кажется не сегодня. Попинав начищенным носком сапога молодую траву, только пробившуюся из почвы, он повернул в лес.

Ребятня уже развешала палки и камни среди деревьев и расселась по веткам, как стайка воробьёв, в ожидании Адама. Его приближение означилось громким свистом. Мужчина усмехнулся и, проходя мимо конопатого мальчишки, кинул ему пару монет. Тот ловко поймал лёгкий заработок и вскарабкался на ближнюю сосну. Ребятня с замиранием, пристально следила за каждым движением мужчины. Адам же не спешил. Он скинул военный мундир на землю, оглядываясь по сторонам. Под тихий ропот, достал блестящую, изящной работы турецкую саблю. Начищенный металл слепил глаза и играл на солнце тысячью отсветами и разбегающимися зайчиками по тёмным стволам деревьев. Выудив из кармана чёрную повязку, он натянул её на глаза, неуклюже поправляя одной рукой и мотая головой. Мальчишки начали раскачивать привязанные к стволам камни и палки. Адам, перехватив удобнее гарду, замер, прислушиваясь к окружающему миру. Скрип верёвки от веса подвязанного камня слева. Осыпанные иголки от елозящего зада мальчишки на ветке чуть дальше впереди. Плавный шаг вправо. Качнувшаяся палка глухо ударилась о ствол. Полшага вперёд. Ладонь с зажатой гардой поднялось к противоположному плечу, заводя кончик смертоносного металла за спину. Все затаили дыхание, даже, кажется, птицы перестали щебетать. Лёгкий взмах и глухой стук, перерубающий палку и следом второй, перерубающий верёвку, к которой была подвязана. Звонкий стук металла о камень раздался сразу по двум камням, с последующим тяжёлым шлепком о землю. Отталкиваясь ногой от ствола то одного, то другого дерева, мужчина перелетал с места на место, от дерева к дереву, обрушивая серию ударов по цели и перерубая верёвки. Это был завораживающий танец без музыки. В свист кленка, рассеяемого воздух, и звон металла о камень, вплетались тихие, восторженные вздохи ребятни. Адам остановился и замер, прислушиваясь, не досчитавшись одной цели. Над головой тихо хихикнуло несколько мальчишек. Один из них поднял верёвку, держа камень перед своим лицом, прикрывая рот ладошкой. Оттолкнувшись от земли, Адам крутанулся в воздухе, ударяя кончиком сабли о камень и следом, перерубая

верёвку, с торчащим из-под кепки локоном парня. От неожиданности мальчишка вскрикнул и повалился на землю, под громкоголосый свист и смех друзей. Адам снял повязку, задорно улыбаясь и помогая подняться ему на ноги.

— Как вы это делаете? — обиженно пробубнил он, потирая пятую точку.

— Годы тренировки, — он шутя поддел пальцем его курносый нос. — Завтра в то же время.

— Да, господин хороший, — хором отозвалось сразу несколько голосов.

Адам отряхнул мундир и, повесив его на палец, перекинул через плечо, шагая обратно и иногда оборачиваясь, наблюдая за тем, как мальчишки снова подвязывают «каменных врагов» и запасаются длинными палками, вместо грозного оружия, с отчаянными воплями: — «Я первый! Нет, я!». Небо окрасилось в нежные розовые тона, а солнце прижалось к холодной кромке воды. Дойдя до поваленного дерева, он остановился, неприятно морща нос от чрезмерного аромата перечной мяты. Он повернул голову в попытке разглядеть, кто скрывался за корнями, но темнота провала не желала открывать ему гостя. Переведя взгляд обратно на солнце, он хохотнул про себя.

«Опять какая-то парочка зажимается в тайне от родителей, но с такими ароматами их коты быстрее разгонят, чем родители»

Покачав головой, он продолжил путь, иногда оборачиваясь к холму, но парочка, кажется, не собиралась показываться. В комнате его ждал горячий ужин и дочка хозяйки. Пышная девица, стоя на коленках, тряпкой затирала пол под его кроватью. При этом, бесстыдно задрав подол платья так, что её аппетитные ягодички готовы были открыть всё то, что девушки скрывали до брачной ночи.

— Лизочка, — сухо произнёс мужчина, — Я думаю, что достаточно и вы можете идти.

— Ой, — невинно хлопая ресницами и с загоревшемся румянцем на щеке, она кокетливо поправила «случайно» задравшийся подол платья. — Я не услышала, когда вы вернулись.

Адам ничего не ответил. Дверь в его комнату хоть и была новой, но скрип несмазанных петель извещал о его возврате и уходе всех постояльцев. Девушка взяла ведро и виляя бёдрами, проходя мимо мужчины, кинула на него томный взгляд. Мужчина сморщился и резко дёрнул головой в сторону, прикрывая глаза так, словно его сейчас стошнит.

— Господи, Лизочка. Почему от вас так пахнет? И весь коридор провонял перечной мятой.

— Простите, господин, — испуганно затараторила она, приняхиваясь к себе. — Я вроде всё отмыла и оттерла, но всё же где-то могло остаться.

Адам, всё ещё морща нос, посмотрел на неё с равнодушием, но девица почему-то это восприняла как приглашение к разговору и её прорвало.

— Это всё ваша соседка спесивая. Живёт всё ничего, а уже свои порядки наводит. Важная вся такая, словно она тут хозяйка, а не я с маменькой. А предок наш, между прочим, по честной цене выкупил дом.

Адам с грустью посмотрел на открытую дверь, но девица это упорно проигнорировала.

— И папочка мой оставил всё нам по совести...

— А мята тут причём? — бесцветным голосом спросил Адам в надежде, что это быстрее подтолкнёт её выговориться и уйти, тем самым избавив от семейных хозяйских подробностей.

— Так я и говорю, — она шмыгнула носом и вытерла его мокрым локтем, с зажатой грязной тряпкой в руке, которая дёрнулась в сторону Адама и ему пришлось отпрянуть, чтобы не замарать белую рубашку. — У сэра Лэйдона колики начались, а что может быть лучше отвара мяты? Я ему целый котелок наварила. А тут она вынырнула как ураган, вот я весь котелок на себя и на неё. А она в крик. Да такими словами, что не пристало так ругаться знатной миссис, а она словно сапожник и давай, и давай. Не остановить. Я ей «Что вы себе позволяете, миссис Дэйр?» А она как с цепи сорвалась...

Девушка запнулась, поперхнувшись и выронила с грохотом ведро и тряпку, повисая на руках мужчины. Адам вздёрнул её за грудки, приблизив к своему лицу. Расширенные ноздри пылали гневом. Сдвинутые брови изломились так, что почти скрыли глаза, оставляя в них лишь блеск и холод льда.

— Что за миссис Дэйр? — тихий скрежет зубов и открывающийся оскал перепугал несчастную Лизочку так, что она икнула, а слёзы непроизвольно покатились из глаз.

— Ваша соседка, сэр Вейде, — жалобно пискнула она, указывая пальцем куда-то себе за спину.

— Имя! — рыкнул он.

— Я не помню, — взвизгнула девица, резко забившись в руках мужчины.

Первый испуг спал и пришло отчаянное желание освободиться, чему Адам не стал препятствовать. Она кинулась собирать тряпки с ведром, а Адам сорвался с места на улицу.

— Сумасшедший, — выплюнула Лизочка вслед убежавшему мужчине, — Пусть маменька сама за этого убого замуж выходит, если ей так приспичило.

Сердце в груди трепыхалось, словно птица в клетке, отстукивая барабанную дробь в висках. Несмотря на вечернюю прохладу, его прошиб пот, а жар, приливший к щекам, неприятно пульсировал.

— Девочка моя, — бормотал он, задыхаясь и до последнего уверяя себя в том, что это Оливия, а не его мать. К тому же, миссис Элеоноры Дейр больше нет. Она замужем, а если Джон не обманул, а он не обманул, то это могла быть только она.

Каждый шаг давался ему так легко, что он взлетел на пригорок, к поваленному дереву, а не добежал и остановился, так резко, что сапоги вгрызлись носками в землю, а волосы хлестнули по лицу. Всё было до боли знакомо. Так, словно все года стёрлись, возвращая его в детство.

— C'est un pur déjà-vu? — отчаянно и с какой-то горькой болью проскрежетал он, вытягивая саблю и хмуро приближаясь к тёмному провалу, затянутому дремучими корнями, из которого всё так же исходил запах перечной мяты.

C'est un pur déjà-vu — сплошное дежавю (с французского языка)

1. Знакомство с соседями

Февраль 1698г. Англия. Деревня Корнер.

Устроившись на втором этаже «Приюта путника», Оливия первый раз за долгое время почувствовала себя свободной и даже капельку счастливой. Детские воспоминания навевали тепло и какую-то нежность. Здания в деревне претерпели много изменений, но дорожки и лес помнили следы её детских ножек или её ноги помнили их. Это было не важно. Первые дни, она с удовольствием и с каким-то восторженным придыханием, бродила по ним и плутала по лесу. Она обходила все места, которые помнила, и с детским писком запрыгнула в яму, оставшуюся от выкорчеванного дерева. Запутавшись в корнях, Оливия повалилась на песок и, удобнее усевшись, наблюдала за тонкими полосками света, пробивающегося через корни. Даже не верилось, что оно снова тут проросло и оставило огромную воронку, спрятанную от посторонних глаз густыми, лохматыми отростками свисающих импровизированных штор.

Спину, прижатую к поверхности дерева, запекло, а потом резко остудило, словно принимая новую гостью.

— Ведьмы, — прощупывая рукой земляной отвал, она чувствовала слабою силу, вложенную в него. Если его напитать, то оно могло бы быть таким же сильным, как и когда-то её Древо, но кто-то провёл обряд, сделав ведьминым, и забыл дорогу достаточно давно. Для чего это было сделано — не понятно. Очень неподходящее место для празднества, но вполне может сгодиться для неё одной. Ведь она могла со временем его напитать и черпать из него силу.

Если же тут всё же проживает ведьма или есть небольшой ковен, то она готова отвоевать своё место под Солнцем и вступит в новый ковен, но точно не уйдёт отсюда. Это её деревня и больше ничья.

Первый этаж гостевого дома каждый день жужжал, как разъярённый пчелиный рой. Местные вечером устраивали хмельные посиделки, а днём сменялись постояльцы. Второй этаж был рассчитан на долгое проживание и оплачивать его было необходимо ежемесячно, поэтому тут была относительная тишина. Пожилой сэр Лэйдон был очень мил и дружелюбен. Он с удовольствием впускал к себе девушку и щедро делился с ней своей внушительной библиотекой. К сожалению, много книг были Оливии не интересны. Старик всю жизнь занимался инженерными работами, а технические рукописи наводили на неё тоску и умело погружали в сон. Зато богатая коллекция новёшеньких карт разных стран, где довелось ему побывать, и рассказы старика, хоть и с прикрасами, были интересными и познавательными.

Её соседка, надменная миссис Блоквуд, вдова отставного полковника, игнорировала всех. Она считала себя выше окружающего её общества и только иногда высовывала свой нос за дверь, чтобы проследить за тем или иным постояльцем и тут же захлопывала её при попытке поздороваться с ней. Майор Вейде слыл затворником. Он уходил утром и возвращался вечером. Иногда наоборот. Как и миссис Блоквуд, предпочитал обедать и ужинать в своей комнате. С ним Оливии не довелось пересечься ни разу, хотя сэр Лэйдон не раз желал познакомить молодую особу с иностранным майором. Он полагал, что нашёл общий язык с соседом и ему он казался достаточно образованным и воспитанным молодым человеком. Но Оливия шутиливо отмахивалась.

— У меня два брака за плечами и оба неудачных. Третий я не переживу.

— Ох уж ваши эти шуточки, миссис Дейр, — дружелюбно, но очень по-отцовски махал ей пальцем старик. — Не пристало вам о таком шутить, а то замуж и в первый раз никто не возьмёт.

— Если я совсем отчаюсь, вы, как истинный джентльмен, спасёте меня от ужасной судьбы старой девы.

На что старик удовлетворённо кричал и отмахивался рукой.

— Не потешайтесь надо мной, миссис Дейр. Вам бы с майором об этом поговорить, а не со мной.

— Он любит старых дев? — хохотнула Оливия.

— Он молод и красив. К тому же военный. А вам, молодым леди, только такие и интересны.

— Боюсь, я уже стара для молодой леди и меня больше интересуют ваши инженерные труды, чем погоны и пропахшие порохом вояки.

— Вам не интересны мои труды, — спуская очки на нос, Мг Лэйдом с сомнением посмотрел на свою гостью.

— Вот именно.

Старик расстроено выдохнул и опять отмахнулся от неё.

— Вот, — перелистывая очередную книгу, он протянул её девушке. — Вам должно понравиться.

— Спасибо, — приняв её, она собралась уходить, но мужчина окликнул.

— И не сидите дома. У вас цвет лица бледный.

— Хорошо, Мг Лэйдом. Я непременно прибегну к вашему совету и отправлюсь на прогулку. Не желаете присоединиться ко мне?

Старик отмахнулся, не отрываясь от просматривания следующей книги и перед тем, как дверь закрылась, выкрикнул:

— Лучше майора пригласите! Он у себя.

Оливия, закусив губу постояла, что-то обдумывая и, аккуратно сдвинув в широком кармане фартука флакон Долорес, завёрнутый в носовой платок, впихнула книгу. С тех пор, как она сбежала из Лондона, девушка с ним не расставалась. Сама не зная для чего, но она считала себя в большей безопасности с ним, чем без него. В конце концов, если её кто-то найдёт из недругов, она может подлить его в бокал, или еду.

Поразмыслив, она на цыпочках дошла до двери майора. В комнате стояла тишина. Чтобы лучше прислушаться, она положила руку на дверную ручку и прильнула к двери ухом, пытаясь разобрать, чем таким секретным занят майор. Тишина. Под пальцами ручка немного просела. Это значило только одно, что кто-то с обратной стороны взялся за неё. Без оглядки она понеслась к своей комнате под удивлённо вскинутые брови дочери хозяйки, которая поднималась по лестнице с чьим-то обедом. Оливия слышала, как со скрипом распахнулась дверь и оставалось только надеяться, что она успела захлопнуться прежде, чем её разоблачили.

— Любопытство не порок, — тихо хихикая, она запрыгнула на кровать, раскрывая книгу.

Пролистав несколько страниц, вспомнила про совет Мг Лэйдома и решила не пренебрегать им. Накинув на платье тёплую шаль и повязав платок, как это делали жёны рыбаков, подошла к двери, но замера. В коридоре скрипнула дверь майора. Её пронзительный жалкий писк знали все постояльцы. На секунду она хотела дёрнуть ручку, но решила подождать, прильнув ухом к гладкой поверхности двери. Тяжёлые армейские сапоги неспешно дошли до её комнаты. Остановились. Стоящий за дверью переступил с ноги на ногу. Оливия отпрянула от двери и на цыпочках сделала пару шагов в глубь комнаты. Сапоги снова загрохотали по деревянному полу, удаляясь.

«Обедать пошёл» — подумала Оливия и решила, что это хороший повод спуститься и познакомиться с нелюдимым постояльцем.

Вынырнув следом за ним через минуту, она решила подкрасться к лестнице и посмотреть на него издали, но в столовой сидели местные рыбаки и работяги. Военного не было нигде видно.

— Хм, — растерянно осмотревшись ещё раз и не сумев отыскать незнакомого мужчину, она смело спрыгнула со ступенек.

Оливия повернула за угол и вскрикнула одновременно с хозяйской дочерью. Тёплое варево из чугунок с приторным ароматом мяты окатило подол платья обоих и разлилось по полу.

— Да что ж ты творишь такое! — взвизгнула девица.

Мать громко стукнула по столешнице, которую протирала и грозно зыркнула на дочь.

— Простите миссис Дейр. Я не увидела вас, — скидывая фартук на пол и протирая остатки, разлитые по полу, девица недовольно что-то фыркала себе под нос, не поднимая глаз на Оливию.

— Простите. Я оплачу, если требуется.

— Что вы! Что вы, госпожа! — залепетала хозяйка, комкая в своих пухлых пальчиках полотенце. — Это пустяки. Снимите платье. Лизочка простирает его.

— Не утруждайтесь. Выветрится. Я только промокшие ботинки сменю, — Оливия вернулась в комнату, слыша злобное шипение Лизочки и влажный шлепок. Кажется, маменька не выдержала и дала мокрым полотенцем подзатыльник доченьке.

В какую сторону ушёл майор Оливия не знала и догонять его расхотелось, а прогуляться желание осталось.

Дойдя до края утёса с поваленным деревом, она любовалась красотами, раскинутыми под ней. Накатывающие волны с шумом омывали берег и стремительно отлынивали, оставляя гладкий мокрый песок. Пронзительный свист где-то в лису насторожил её.

— Охотники? Так близко к деревне?

Она покрутила головой, но разобрать, откуда именно он раздался, было не ясно. Чуть позже раздалось странные звуки. Словно кто-то палкой колотил по пустым горшкам. Во время прогулки её опять отвлек свист и детский смех.

— Шпана, — ухмыльнулась она.

Вернувшись к поваленному дереву, девушка прыгнула и забралась под него, как это делала в детстве. Несмотря на темноту, здесь было уютно. Маленький уголок, который укрывал от ветров, дождей и снега. Укромный мирок, хранящий самые дорогие воспоминания. Пропуская песок сквозь пальцы, она окуналась в детство, вспоминала, как летние тёплые лучи играли по земляным стенам, отражались и блестели в чёрных волосах Адама. Как его рука робко накрывала её, переплетаясь пальцами. Оливия так задумалась, что не расслышала приближающиеся шаги. Только когда свет уходящего солнца закрыло темнотой, она распахнула глаза, поджимая колени. Кто-то замер, стоя прямо перед провалом. Кажется, это были мужские сапоги, но разобрать было трудно. Свет за спиной незнакомца оставлял только силуэт ног, видневшихся за корнями. Девушка прикрыла ладошкой рот, чтобы не выдать себя. Человек, постояв, всё же повернул к деревне. Она с облегчением выдохнула и хихикнула.

— Пронесло.

Немного отсидевшись, она собиралась выползти наружу и идти домой. Дотянувшись до корней, она отвела их в сторону, но тут же отпрянула обратно. Кто-то быстро шагал в её сторону. Притаившись, она думала, что незнакомец уйдёт, но свет солнечных лучей опять закрыл чей-то силуэт. Шаг. Другой. Носки сапог чуть свисали с края ямы. Оливия замерла, поджимая дрожащие колени. Страх холодной змеей заползал за шиворот, холодя лопатки и вздыбливая волоски на загривке. Широкоплечая фигура присела на корточки и протянула руку, запуская её между корней. Замерла на мгновение и потянула корни в сторону, открывая незнакомцу, то, что скрывал тёмный провал. Оливия хотела закричать, но спазм сдавил горло от чего из неё вырвался жалобный писк.

2. Кто-то из нас должен умереть.

Сидя в яме, Оливия не сразу разглядела знакомые черты лица мужчины. Свет, бьющий ему в спину, не позволял этого сделать сразу, зато он отчётливо видел, кто перед ним. Только когда он спрыгнул вниз и уселся рядом, стало понятно, кто это. Девушка отняла ладошку ото рта и молча взидала на сидящего рядом с ней мужчину. Судя по грязи на брюках светло-коричневого костюма, путешествие далось ему тяжело. Он раздражённо стучал пальцами по коленке, молча уставившись в гневные глаза девушки. Оливия смотрела на него в ответ не моргая, сжимая и разжимая кулаки.

— Я всё понимаю, но для чего тебе понадобилось сжигать наш дом? — наконец процедил Джон слова, сквозь сжатые зубы.

— Как ты нашёл меня? — игнорируя его вопрос, Оливия приложила максимум усилий, чтобы её голос не дрогнул.

— Это было несложно, — более сдержанно заговорил он. — Ни на один из кораблей, выходящих из порта, ты не села, а в Англии у тебя нет другого места, куда податься. К тому же, наши лошади пропали вместе с каретой. И фамилию ты не меняла. После того, как я разгрёб все твои причуды с поместьем, долго думать, где тебя искать — не пришлось. Толстуха в трактире сказала, что ты на прогулке, а запах мяты трудно с чем-то перепутать.

— Зачем ты приехал?

— Если бы ты не хотела, чтобы я тебя нашёл, то уехала бы гораздо дальше.

— А ты не допускаешь мысли, что я хочу, чтобы меня нашёл не ты?

— Нет. Не допускаю.

Оливия с вызовом посмотрела на него.

— Ты обещал отпустить меня.

— Что за ребячество? — строго спросил Джон. — Ты сбежала с бала, спалила наш дом, уехала, а сейчас сидишь здесь и дуешься, как маленькая девочка.

— Я не дуюсь, Джон, — усмехнулась она. — Я зла. Я очень зла и раздражена. Ты опять меня обманул. Сколько можно, Джон?

— Ты о чём? — искренне удивился он. — Что я сделал не так? Я дал тебе всё. В конце концов, мы принесли клятвы друг другу.

— Да я помню, — она ехидно и нагло ухмыльнулась, — до самой смерти в любви и верности.

— Да, — строго выговорил он. — Именно так. И поэтому я настаиваю, чтобы ты вернулась домой прямо сейчас. Твоих чудачеств я больше не потерплю.

Он грубо взял её чуть выше кисти и потянул к себе, но она умело вывернулась и вырвала свою ладонь.

— А что на счёт чудачеств фаворитки короля? Её ты будешь терпеть?

Джон побледнел и прикусил внутреннюю сторону щеки, задерживая дыхание, но через миг громко выдохнул.

— Так это банальная ревность, — он вымученно растянул губы в понимающей улыбке. — Я думал, что уже никогда не ощую её на себе. В последнее время ты совершенно остыла ко мне, но я всё же смог зажечь в тебе огонь, — и чуть жёстче и громче добавил. — Но зачем его было разжигать в нашем доме?

Он вскинул ладони в примирительном жесте и прикрыв глаза, отвернулся.

— Ладно, — тихо заговорил он. — Ты заслуживаешь сердиться на меня, и я заслуживаю твоего гнева, поэтому ничего страшного. Мы достаточно богаты и можем позволить себе любое жилье. К тому же, ремонт сгоревшего крыла уже решается, а остальное мы сможем уладить дома.

Он поднялся, вытягивая Оливию наружу, но она не стала выбираться из ямы, а, согнувшись пополам, разразилась издевательским хохотом. Джон с непониманием и каким-то затаившимся страхом смотрел на неё, искренне переживая за её рассудок. Не выдержав, он схватил её за плечи и встряхнув, прижал к себе, зарываясь в волосы и шепча на самое ухо.

— Тише, солнышко. Тише. Всё хорошо. Это была мимолётная связь. Ничего не значащая для меня. Обещаю. Слышишь? Я обещаю, что этого больше не повторится.

Она резко оттолкнула его и залепила звонкую и громкую пощёчину. Джон, ухватившись за щеку, согласно кивнул.

— Ты права. Я заслужил.

Она тут же ударила его по другой щеке. Мужчина растерянно заморгал, но от третьей и четвёртой увернулся, а потом и вовсе согнулся, подставляя спину, когда на него обрушился шквал кулаков и тумачков.

— Оливия. Возьми себя в руки! — уворачиваясь, уговаривал он.

— Я ненавижу тебя, Джон! — выкрикивала она, тяжело отдыхиваясь, как от тяжёлого боя. Джон же напротив, стоял смирно, с нескрываемой яростью в янтарных глазах и только алые скулы, со следами пальцев, подрагивали от сжимающейся челюсти. — Ты думаешь, что я не знаю о том, что Адам был в Англии? Ты надеялся, что я не узнаю о твоём обмане?

Мужчина недовольно скривился и сплюнул.

— Он обещал исчезнуть из нашей жизни.

— А ты обещал отпустить меня. Поэтому возвращайся в Лондон, — с упрёком выговорила, она вылезла из ямы.

Джон выпрыгнул следом за ней и ухватил за руку.

— Ты забываешься, Оливия, — он дёрнул её на себя и обвил второй рукой талию, крепко удерживая. — Ты — моя жена.

— Катись к чёрту, Джон! — выкрикнула она, закипая от гнева.

— Только если с тобой, — ещё крепче стискивая в своих объятиях тонкую талию, мужчина попытался поцеловать её, но она резко мотнула головой и замерла, словно статуя.

Джон, тяжело дыша, проследовал за её взглядом и в изумлении расцепил руки, выпуская Оливию, но спохватившись вцепился в её руку.

Адам, с зажатой саблей в руках, шагал в их сторону, с чуть опущенной головой, гневно прожигая Джона синевой глаз под опущенными бровями.

— Не приближайся, — угрожающе зашипел Джон, приобняв Оливию за талию и прижав её спину к своей груди. — Она моя.

— Нет, — взвизгнула Оливия в попытке вырваться. — Отпусти меня.

— Мне казалось, что раньше ты мог договориться с девушками без применения насилия, — тихо заговорил Адам, остановившись в нескольких шагах от них.

— Семейные ссоры. Не более того. Мы сами разберёмся, — усмехнулся Джон, перехватывая талию жены другой рукой, не давая возможности освободиться.

Адам настороженно перевёл взгляд на извивающуюся в его руках Оливию.

— Всё кончено, Джон, — она перестала брыкаться и, нащупав в кармане флакон, подняла его выше, так, чтобы мужчина смог его увидеть, — Если ты не отпустишь меня, то я выпью его. Мне нечего терять.

Джон, прищурившись, посмотрел на флакон и едко рассмеялся, доставая кинжал. Адам сделал осторожный шаг.

— Давай всё решим по-мужски. Ты сам понимаешь, что рано или поздно это произойдёт. Кто-то из нас должен умереть. Иначе это никогда не закончится.

— Ты решил проверить на мне свою силу Бога?

— Нет. Давай, как в старые, добрые времена. Ты, я и оружие. Без магии, без колдовства.

— Адам не надо, — жалобно выкрикнула Оливия. — Он один из лучших в Англии...

Договорить она не успела. Джон грубо толкнул её в яму, под корни. Адам хотел кинуться к ней, но Джон резко выхватил саблю, зажимая её в другой руке и выставив с кинжалом перед собой, загромождавая путь.

— Ты обещал оставить нас в покое, — делая выпад и ударяя по кончику сабли Адама Джон проверял в какой физической форме его брат.

Адам, отбив, начал обходить его по кругу, так же делая небольшие выпады и стараясь не выпустить из вида руку Джона с кинжалом.

— Ты говорил, что вы любите друг друга и ты обещал сделать её счастливой. Что-то я не вижу радости на лице твоей жены.

Джон подался вперёд и нанёс несколько ударов саблей, резко выкидывая кинжал, но Адам, отбившись, успел отпрыгнуть в бок, уворачиваясь от удара и выбивая саблю. Он остановился, давая возможность поднять оружие брату. Тот, не отводя глаз пригнулся, возвращая себе оружие.

— Хорошо-о, — процедил он. — Видать твои уроки не ограничились старым Полем.

— Ты даже не представляешь, насколько, — иронично отозвался Адам.

Оливия, выбравшись наверх, внимательно следила за боем. Боясь помешать словом или неумелым движением. Она прижала флакон к груди и молила Богиню Смерти не забирать жизнь любимого.

После недолгой перепалки и едких комментариев, бой перешёл в череду нескончаемых ударов и уклонов. Словно два волчка, они закружили по траве, не давая спуска и передышки друг другу. Оливия каждый раз прикрывала рот ладошкой, когда лезвие добиралось до плоти одного из мужчин. У Адама окропился рукав алым цветом в нескольких местах. Джон утирал кулаком щеку, из которой постоянно бежала струйка крови.

— Ты хоть представляешь, что ты с ней сделал? — насмехаясь продолжал Джон. — Я выкупил её из борделя, когда ты выкинул её на растерзание ковена.

— Что? — Адам кинул печальный взгляд на Оливию и пропустил удар, отчего рубашка на его животе быстро растеклась кровавыми пятнами.

Джон, почувствовав лёгкую победу, ринулся на брата, но тот, зарывав, крутанулся и за два удара выбил саблю, приставляя остриё к горлу. Все замерли, не двигаясь и оценивая масштаб произошедшего. Джон поднял руки и разжал ладонь, роняя кинжал, а Оливия подошла к ним ближе.

— Скажи, что это ложь, — прохрипел Адам. — Почему ты допустил это?

— А где ты был всё это время, брат? Чем ты был так занят?

Адам прикрыл глаза и тряхнул головой, но руку от горла Джона не отвёл, всё так же целясь в него.

— Адам, — тихо позвала его Оливия, подкрадываясь ближе. — Я не виню тебя в произошедшем. И в Лондоне я не работала шлюхой, но я работала в борделе. Я зарабатывала деньги колдовством.

— Это правда? — голос его казался спокойным, но в нём отчётливо слышались нотки горечи. — Он купил тебя? Он не женился на тебе в Плимуте, а купил как...

— Это уже не важно, — она подошла ближе и, опуская пальцы на кончик его сабли, тихо надавила вниз. — Я не хочу, чтобы кто-то пострадал. Ты прав. Джон заслуживает наказания. Я сама была готова убить его и не раз, но только не так. И не от руки родного брата. Ты никогда не простишь себя за его смерть.

Он страдальчески изломил бровь и прикрыл глаза, опуская руку и разжимая её. Сабля, с характерным лязгом металла упала, когда Оливия кинулась к нему, прижимаясь щекой к перепачканной рубашке и обвивая его торс. Он обнял её в ответ, утыкаясь в её волосы и втягивая носом родной запах. Зарылся пальцами в них, ласкаясь то одной, то другой щекой.

— Олив, — прошептал он. — Я не могу без тебя.

Оливия удивлённо открыла рот, пытаясь произнести слова, которые ещё не обрели никакой формулировки, отчего из губ вырвался лишь громкий выдох. Время, казалось, растянулось, а она ничего не могла поделать, с ужасом наблюдая, как из-за её плеча протягивается рука Джона, касаясь шеи Адама.

— Спи.

Она подняла голову и непонимающе уставилась в медленно закатывающиеся глаза мужчины. Грубая рука впиалась в её плечо, с силой отталкивая от Адама, а он как, сомнамбула стал пошатываться, борясь со сном, но тот побеждал.

Джон, не теряя времени подхватил кинжал.

— Ты прав, брат. Кто-то из нас должен умереть.

У Адама подкосились колени, и он медленно начал оседать в тот момент, когда Джон с зажатым в руке кинжалом крутанулся вокруг своей оси, ударяя наотмашь.

Мир остановился. Джон с улыбкой победителя и блеском янтарных глаз остановился вполоборота от Адама, наблюдая как алые капли крови стекают с лезвия. Кинутый надменный взгляд в сторону Адама прошёлся по его лицу судорогой и сменился неподдельным ужасом и отчаянием. Адам, пошатываясь стоял на коленях, всё ещё борясь со сном, а перед ним стояла с выпученными глазами, полными слез и мольбы Оливия. Её приоткрытый рот пытался глотнуть воздух, но лишь судорожно подёргивался при каждой попытке вздохнуть, как у рыбы на берегу. Из рассечённой шеи стекали струи крови, заливая грудь и пропитывая платье до живота.

Она, словно подкошенная, свалилась на землю перед Адамом, стоящим на коленях.

— Нет, — бормотал он, пытаясь дотянуться, но бороться больше не было сил. Мужчина обмяк и упал рядом с ней, погружаясь в сон.

Джон нервно ощупал своё лицо и голову, потом откинув кинжал, рывком припал к Оливии, в попытке зажать рану на шее. Но побоялся дотронуться. Он не хотел причинить ещё большую боль.

— Я что-нибудь придумаю. Не волнуйся. Всё будет хорошо, — бормотал он, глядя на задыхающуюся девушку. Его слова вырывались рваными обрубками, словно он сам пытался себя в чём-то убедить, или оправдать. — Зачем? Зачем? Не надо было. Это всё он. Он. Если бы не он, всё было бы хорошо.

Его глаза остановились на сжатом кулаке девушки.

— Ну, конечно, — он принялся разжимать её пальцы, но она из последних сил сжимала флакон. — Я дам пару капель. Чтобы ты восстановилась за пару дней. Не волнуйся. Можешь отдать.

Оливия ещё больше выпучила глаза, с жалостью и мольбой уставившись на мужчину, но он, вырвав флакон, откупорив его, принялся к исходящему аромату трав. На миг она подумала, что он сейчас умрёт и тогда всё будет кончено, но Джон лишь довольно улыбнулся и приподняв её голову, принялся капать.

— Всё будет хорошо. Ты молодец, что с собой носишь Ламмер-вайн. Все ведьмы его носят с собой. И это правильно. Не закрывай рот, дорогая. Буквально ещё пару капель.

Оливия, стиснув зубы, хотела покрутить головой, но не вышло. Она почувствовала, как обжигающая смесь попала на корень языка и, смешавшись с металлическим привкусом крови, распространилась пряным вкусом по всей полости рта.

— Яд, — шёпот на грани сипения, вырвался из её посиневших губ.

— Яд? — рука Джона замерла в воздухе.

От лица отлила кровь, делая его мелованным и серым. Рядом пошевелился Адам. Его брови хмурились, но затёкшие конечности отказывались подчиняться. Открыв глаза, он с тревогой посмотрел на брата. Пошевелил пальцами и приподнявшись, сел каменным изваянием, смотря на залитую в собственной крови Оливию.

— Что ты ей дал? — от голоса Адама кожа покрывалась льдом, а вены жгло пламенем.

Джон поднялся, сжимая в руке флакон до хруста и в ужасе пятясь.

— Что ты ей дал? — взревел Адам, притягивая к себе Оливию с посиневшими губами и потухающими глазами.

— Нет, нет, — бормотал Джон, падая с пригорка, поднимаясь и снова пятясь, падая. — Я не мог. Это не я. Это всё какой-то дурной сон.

— Олив! — взревел Адам, прижимая к себе девушку и поворачивая её мёртвое лицо к себе. — Олив!

Его рёв, наполненный рыданиями и обречённостью, оглушил Джона, и Джон побежал. Бежал, не разбирая дороги, лишь изредка оборачиваясь и с ужасом отворачиваясь. Мужская рогатая фигура на пригорке затянулась инеем и тут же вспыхнула алым пламенем. Ветер бил в него и из него одновременно, поднимая столпы земли в воздух и метая пламя из его тела, то раздувая, то засыпая снегом и водой. Кокон живой необузданной энергии всех стихий смешивался в едином смертоносном танце, но он продолжал прижимать одной рукой к себе обмякшее тело с прикрытыми глазами и чуть приоткрытым ртом, с бежавшей тонкой струйкой крови из него. Другой рукой он оглаживал её волосы и шею, склонившись и пристыив губами к бледному лбу.

3. Богиня Смерти

Оливия уже бывала здесь. Но сейчас что-то изменилось. Она за воротами Гекаты, но раньше это было белое пространство, наполненное тусклым светом, словно туманом среди солнечного дня. Время в нём искажалось и текло непривычно быстро или слишком медленно, и не поддавалось никаким законам мироздания. Она могла до бесконечности практиковать свои умения и отшлифовывать знания в ожидании, когда ворота откроются и выпустят её, либо десятилетия пробегали мимо неё, как поток бурной реки, за мгновения. Сейчас же она видела белые свечения, мерно передвигающиеся в пространстве и тёмные фигуры, которые возникали и тут же пропадали то ближе, то дальше.

— Я умерла? — выдохнула она, разочарованно наблюдая за тёмными фигурами, которые появлялись с сияющей сферой в руке и оставляя её, пропадали вновь.

— Нет, — женский приятный голос усмехнулся за её спиной. — Ты опять выпила гадость Долорес, но не волнуйся. Ты поцелованная смертью, а значит дома. И ведьмы её никуда от нас не денутся. Рано или поздно мы и их пожнём.

— Что? — Оливия обернулась на голос, рассматривая заговорившую с ней женщину.

Незнакомка с серебристыми волосами, заплетёнными в тугую косу и хитрыми голубыми глазами, с интересом наблюдала за ней, стоя с прямой осанкой и со сцепленными пальцами перед собой, и с чуть вздёрнутым горделивым подбородком.

— Здравствуйте, — растерянно выдавила из себя Оливия.

— Здесь не здравствуют. Это мир мёртвых.

— И вы мертвы? — решила уточнить девушка.

— Нет.

— А они? — девушка кивнула в сторону тёмной исчезнувшей фигуры.

— Тоже нет. Это жнецы. Люди, принесшие себя в жертву в Вальпургиеву ночь и поцелованные смертью.

— То есть, когда я напивалась Древо, те двое тоже оказались где-то здесь?

Женщина недовольно скривилась и неспешно зашагала, уклоном головы приглашая Оливию к прогулке.

— Не путай тех, кто сам добровольно принёс себя в жертву и кому был дарован поцелуй смерти с чёрными обрядами Долорес, которая из ведьм создала толпу паразитов. Хоть она и откупилась, принеся весь ковен в жертву, нам всё равно не нравится, что она делает.

— Она уничтожила Плимутский ковен? — оторопев, прошептала ведьма.

— Нет, — покачала головой её спутница. — Это было задолго до того, как она покинула варваров и ступила на ваши земли.

Оливия смутно вспомнила о том, что рассказывала ей Верховная Сейлема. О том, как её мать уничтожила весь ковен, но беды минувших дней её мало интересовали. Гораздо интереснее было выяснить, кто её собеседница и Оливия поспешила задать вопрос.

— А вы кто?

— Я? Богиня Смерти, — удивилась её вопросу женщина.

— Геката, — Оливия, склонив голову, хотела пасть на колени, но женщина вовремя придержала её за ладонь, положив себе на изгиб локтя.

— Не глупи и не произноси этого имени. Даже, если она очистится как ты, ни одна из нас не откроет ей врата и не примет её обратно.

— Я не понимаю, — замотала головой Оливия, стараясь подобрать шаг, чтобы идти в ногу с Богиней.

— Меня зовут Морта. Я одна из множества Богинь Смерти.

— Множества, — с удивлением и придыханием выдохнула девушка.

— Конечно, — женщина приветливо махнула одному из тёмных силуэтов и, проявившаяся на мгновение девушка махнула рукой в ответ. — Тебя поцеловала Паляндра. Она решила, что из тебя выйдет хорошее Божество, но увидев, как старается тебя вытащить из нашего мира Рогатый, решили выпустить. Всё же мы надеялись, что у него получится очистить тебя без наших врат и у него получилось. Как только окрепнешь, будешь с нами на равных, а пока можешь поучиться у жнецов.

— Я больше не покину ваш мир?

Морта удивлённо посмотрела на неё.

— А для чего тебе его покидать? Теперь это твой дом. Ты станешь одной из нас. Богиней.

— Я ничего не понимаю.

— Дорогая, — женщина погладила её по ладони, покоившейся на её локте. — Это великая честь, быть поцелованной Богиней Смерти, а ты ещё и чистая. Из ведьм, принявших дары Рогатых, получают хорошие Богини, но гораздо лучше, когда они возвращают свою силу им обратно и оставляют только наши дары, но в последнее время это стало затруднительно.

— Чем же плохи их дары?

— Они не плохи. Они другие. Их сила — жизнь. Наша сила — смерть. Наша сила убивает мир Рогатых Богов. Выжигает его дотла. В наш мир они не могут ступить, хотя они часто начали докучать нам из мира заблудших душ. Не успели появиться на свет, а уже торопятся умереть.

— Но как так случилось, что у меня больше нет силы Рогатых Богов? — Оливия внимательно наблюдала за исчезающими и появляющимися жнецами.

— Если ты пройдёшь через портал в их мир, то он заберёт всю твою природную силу, пока ты не выйдешь обратно. Фамильяр в их мире работает, своего рода, ловушкой. Он капкан для нашей силы. Так они обезопасили себя от ведьм. Только с фамильяром ты можешь пройти через портал и только, если они впустят тебя. Так же, как и наши врата сдерживают их природную силу. В мире покоя нет места хаосу. А их сила — чистый хаос.

— Другими словами, когда я прошла через портал, то Дерево сдержало все мои дары природы и они не вернулись, так как Адам уничтожил его, — догадалась Оливия.

— Да, — подтвердила её догадки Морта, — К тому же, Адам имел неосторожность взять твоего фамильяра в руки и вернул его тебе обратно, а не уничтожил. Сам того не зная, он очистился, заключив все полученные им при рождении смертельные дары от отца в собственную ловушку.

— Но откуда? — изумилась она.

— Мы видим прошлое. Это одно из важных умений Богинь Смерти, когда мы приходим за душами.

— Фюльгья.

— Да. Извлекая её, мы должны видеть жизнь человека. Иначе будет неразбериха и путаница, а у каждой души свой срок прибывания в мире людей. Это баланс и нарушение его чревато для всех наших миров.

— Но тогда получается, что Адам...

— Он теперь Рогатый Бог, — задорно хихикнула Богиня. — Равный своему отцу. То есть не совсем. Скажем иначе, — Богиня усмехнулась, — Равный Цернунну, когда он был жив.

— Но как-то же Геката смогла встречаться с Цернунном?

Женщина вздохнула, и Оливия заметила на её лбу какой-то тусклый отблеск.

— Он подарил ей белого пса и змею. Он подозревал свою супругу в корысти, но верил ей до последнего, отчего и поплатился. Надеюсь, его сыновья смогут решить свои проблемы. Нам не нравится, что происходит в их мире и мире людей.

Оливия задумалась.

— Я могу всем им помочь. Для этого достаточно вернуться в мир Рогатых и дать каждому в руки моего фамильяра и забрать.

— Ну, дорогая, — усмехнулась Богиня. — Это конечно так, но сейчас ты в нашем мире и когда закончится действие Ламмер-вайн, неизвестно ещё, как поведут себя с тобой Рогатые Боги и особенно Цернунн. Да и Паляндра не захочет тебя отпускать. Очень ты ей приглянулась.

— Всё же Ламмер-вайн, — выдохнула девушка. — Старуха знала, что в мире Рогатых, эликсир смерти может причинить им вред.

— Ещё бы, — лицо Морти потемнело, а вокруг глаз и на щеках проступили чёрные вены. — С помощью него она изничтожила всех Рогатых. И хотела убить Цернунна, вот только жадность и циничность взяла верх. Поэтому она сейчас так пыжится в попытке всё вернуть.

— Она жива? Разве это возможно? Что случилось с ней и Цернунном?

Морта остановилась, внимательно глядя в глаза Оливии.

— Никогда не делай того, что сделала она. Иначе мы тебя не впустим в наш мир. Останешься блуждать в мире потерянных душ за воротами. Ни одни не распахнутся перед тобой.

Оливия отрицательно замотала головой.

— Она опоила Цернунна Ламмер-вайном и убила своего пса в мире Рогатых его руками, тем самым выпустив силу смерти в их мир. Геката надеялась вернуться через портал со змеёй и прибрать его силу себе, сохранив и свою. Хотела завладеть миром Рогатых, но просчиталась.

— В чём?

— Она заперла свои ворота для фюльги Цернунна, обрекая его тело на вечное гниение и разложение, а душа осталась блуждать в мире потерянных душ. Она не учла того, что он Бог, а не человек. И не будет блуждать неприкаянным, пока не закончится срок его фюльги. Поэтому, когда ведьмы его зовут, он возвращается в своё тело. Безумным, голодным, свирепым зверем. Геката хотела покинуть его мир, но он успел вернуться и уничтожить портал и змею, выкинув её из своего мира, но мёртвое тело не может удержать в себе душу надолго. Так Богиня стала смертной, а Бог остался без души. С годами она превратилась в дряхлую старуху. А со временем поняла, что без силы и фамильяра её жизнь утекает сквозь пальцы и в скором времени утечёт насовсем.

— Значит она умерла?

— Нет. Она нашла ковен и уговорила дать возможность призвать Цернунна своей дочери. Безумный Рогатый сделал её Верховной, а когда она попыталась снова призвать его, чтобы стать его женой, то он выкинул её так же, как когда-то Гекату. Но старуху это не остановило. Она выпила заготовленную смесь и принесла в жертву собственную дочь, скинув со скалы.

— Так она стала обычной ведьмой, — мрачнее заключила Оливия. — С саранчой и умением насыщать болезни.

Морта не ответила. Выводы девушки и так были очевидны.

— Но она же была Богиней. Для чего она это всё затеяла?

— Жизнь на земле для одних коротка, а для других велика. В любом случае, Рогатые могут прибывать на земле, не возвращаясь домой, столько, сколько живут реки и горы. Деревья и люди. Смерть молниеносна. Это краткая вспышка, когда Богиня Смерти может ступить на землю. Геката не хотела зависеть от подаренных зверюшек и ограничиваться встречами, которые назначал ей Цернунн. Она желала сама распоряжаться своим пребыванием на Земле и возможностью остаться в понравившемся мире Рогатых.

— Как теперь это исправить?

— Это не наша проблема. В твоих жилах течёт чистая сила и ты признана Поляндрой одной из нас, а значит тебе нет смысла возвращаться. Останься здесь и откажись от тела. Пока в нашем мире только твой дух, а когда ты оставишь брренное тело в мире людей, ты возродишься. Ты будешь принадлежать нашему миру и станешь равной нам.

— Я не могу, — Оливия нахмурилась и замотала головой, — Я знаю, как помочь и я должна помочь.

— Всё это глупости. Ты поцелованная смертью и тебе достаточно не возвращаться в мир людей, чтобы стать Богиней. Одной из нас. Поверь, — с нажимом в голосе заверила её Морта, — другие платят гораздо большую цену, чтобы стать жнецами. Тебе просто повезло.

Врата за спиной Оливии натужно заскрипели, распахивая полированные чёрные створки из глянцевого гранита. Ведьма удивилась, что они оказались за спиной, хотя казалось, что она проделала долгий путь от них.

— Не пожалей о своём выборе, — видя, как соскальзывает рука Оливии с локтя, Морта каменным изваянием наблюдала за отходящей девушкой.

— Это мой выбор, — тихо шепнула она и от неожиданности вскрикнула, когда рядом с ней возник женский силуэт с пшеничными волосами, собранных косой вокруг головы.

— Куда собралась? — недовольно взвизгнула девушка, хватая Оливию за руку и оттягивая от ворот.

— Отпусти, Поляндра, — удручённо попросила её Морта, пока Оливия не стала вырываться и возмущаться. — Рано или поздно мы всех их пожнём.

Девушка прищурила хитрые зелёные глаза и недовольно сложила губы бантиком, но всё же отпустила руку Оливии.

— Зря, — отходя от неё, она обратилась к Морте. — Из неё вышла бы отличная Богиня Смерти.

Морта загадочно улыбнулась, провожая взглядом скрывающуюся за вратами Оливию.

— Возможно, сестра. Возможно.

4. Болотная ведьма

Речь Посполитая, Полоцкое воеводство, 23 апреля, 1698г.

Шум отодвигаемого стула и лязг тарелки о деревянную поверхность были первыми, что Оливия услышала в мире живых. Приоткрыв глаза, она попыталась оглядеться. Толстые светлые брёвна лиственницы просторной избы украшали полотенца и картины с вышивкой красных маков и голубых васильков. За небольшими окошками, украшенными белыми шторами, проглядывали лучи яркого солнца. Она лежала под лоскутными одеялами и накинутыми шкурками, поодаль от белоснежной огромной печи, которой ей не доводилось видеть раньше. Несколько лавок, в углу ушат с кувшином на табурете, массивный стол и девчушка лет шести-семи, поджав ноги под себя на лавке, пыталась дотянуться до кувшина. С натугой оторвав тяжёлую ношу, она бережно плеснула из него в глиняную кружку молоко. На тарелке у неё красовался большой блин. Отставив кувшин в сторону, она дотянулась до блюда с белой массой, похожей на сметану. Свернув блин в трубочку, она приступила вымазывать им белую массу из блюда. Засунула в рот измазанный конец и откусив, громко зачавкала, раскачиваясь из стороны в сторону, словно что-то напевая у себя в голове.

— Where am I? — осипшим голосом проскрежетала Оливия и тут же ухватила за шею, ощупывая себя, но пореза не было. Всё зажило. — What am I doing here?

Девочка, перестав жевать, уставилась на ведьму.

— Как странно ты балакаешь, — отложив блин, она спустила ноги с лавки и, размахивая ими вперёд-назад, с интересом разглядывала Оливию, которая всё никак не могла оторвать руку от горла.

— Маменька залатала. Не переживай.

Оливия узнала язык, на котором говорила девочка, хоть и некоторые слова звучали странно, но вполне их распознала.

— Что я тут делаю? — Оливия повторила свой вопрос на русском языке. — Я где-то в Российской Империи?

— Нет. В Полоцком воеводстве, но до города далече. Мы ближе к Смоленску, — улыбнулась девочка.

Оливия задумалась, но ничего в памяти не всплыло.

— Это где-то рядом с Россией?

— Рядышком, — она согласно кивнул.

— Давно я у вас?

— Седмица до Вальпургиевой ночи осталась.

— А как я оказалась в вашем доме?

— Тебя угрюмый Бог принёс, — пожала плечами девочка, — Думал, что померла ты, да крыса твоя ведьмовская прискакала, так он и понял, что спишь ты крепко, — она дотянулась до кружки и громко отпила молоко. — Потом через пень тебя какой приволок, аль через коренья, а там через свой мир уже быстро доволоч до нас.

— Это он тебе рассказал? — недоверчиво спросила Оливия, рассматривая странного ребёнка и с трудом понимая её рассказ.

— Не, — рассмеялась она. — Это он маменьку упрашивал оставить тебя у нас, а я подслушивала. Хочешь молока?

— А где твоя маменька? — Оливия кивнула головой и, когда девочка протянула кружку, она с жадность вцепилась в неё пальцами и принялась пить, давась и закашливаясь.

— Я ещё налью, только не спеши, — останавливала её.

Вернув кружку, Оливия поблагодарила и, приподнявшись на локтях, спустила босые ноги с кровати. На ней была такая же холщовая белая длинная рубаха, как и на девочке.

— Маменька и таточка в поле. Сёстры и братья им помогают. Меня с тобой оставили, но ты не спускайся с кровати, пол студёный. Дед Семён уже снял с тебя мерки прутиком и лапти плетёт. Скоро принесёт.

— Лапти? — удивлённо переспросила Оливия.

Девочка подняла каждую ногу хвастаясь плетёной обувкой.

— Как тебя зовут? — опомнилась девушка.

— Оксанкой кличут. Рогатый тебя Оливой называл.

— Сколько тебе лет? — Оливия совсем опешила. Не может же быть такого, чтобы ребёнок был ведьмой. Да и не чувствовала она в ней ничего особенного. Обычный ребёнок.

— Минувшей зимой восемь стукнуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.